

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 8 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 309 с.

ISBN 978-5-519-75380-7

ISBN 978-5-519-75380-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

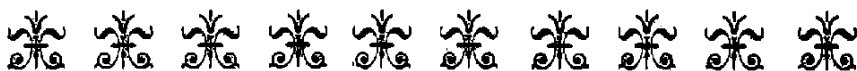
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НЕУГАСАЮЩІЙ СВѢТЪ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

22-32.
(ПАМЯТИ ДРУГА)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Кастальскій ключъ волною вдохновенъя
Въ стени мірской изгнанниковъ цюитъ“.

Пушкино.

I.

— Никогда имъ не понять меня. Изъ того, что я не получилъ первой золотой и лишенъ возможности закончить свое художественное образованіе заграницей—вовсе не слѣдуетъ обо мнѣ такъ обидно думать. Неужели только тотъ и художникъ, кто прожилъ пзвѣстное число лѣтъ заграницей. Какая нелѣпость! Да я не одинъ десятокъ насчитаю такихъ, которые застыли на первой золотой и дальше уроковъ рисованія не пошли. И еще болѣе насчитаю такихъ, которые ими и положеніе имѣютъ только потому, что они льстецы и хитрые пролазы. Я этого не могу, не хочу и презираю всякія окольные дороги. Я на собственные трудовыя средства поѣду въ Италію, ознакомлюсь съ работами знаменитыхъ мастеровъ, и тогда-то они увидятъ, по своей ли дорогѣ я иду. Да нѣтъ, и тогда они не увидятъ: они слѣпцы. А какъ пристають, надѣдають: «Оставь это невыгодное занятіе. Мы тебѣ найдемъ другое, во сто разъ лучше, и изнурять себя не будешь, и въ довольствѣ заживешь». Какое вамъ до меня дѣло? Я себя изнуряю, я терплю нужду. Ну да—терплю. Но вѣдь отъ васъ я помощи не прошу!

Такъ разговаривалъ самъ съ собою художникъ

Александръ Павловичъ Размахилловъ, шагая изъ угла въ уголъ по своей мастерской.

Онъ былъ въ большемъ полненіи. Полчаса тому назадъ онъ, какъ бомба, влетѣлъ въ свою мастерскую, сбросилъ съ себя прямо на полъ осеннее пальто, изъ подкладки котораго мѣстами торчала вата, и сталъ громко говорить и съ такою горячностью, точно стараясь кого-то въ чемъ-то убѣдить. Онъ то размахивалъ руками, то прижималъ ихъ къ груди, то поднималъ высоко надъ головой и потрясалъ ими. Казалось, онъ игралъ трагическую роль на сценѣ или говорилъ проповѣдь въ католическомъ костелѣ, устрашая овецъ своей паствы грядущими муками ада.

Густые каштановые волосы давно уже разметались по его головѣ во все стороны, галстукъ сбился вбокъ... Да, что галстукъ! Пальто, темненькое, замѣтно уже поношенное, было разорвано отъ воротника до плеча и безпомощно моталось на спинѣ, точно крыло подстрѣленной птицы.

Хмуря брови и гнѣвно по пременамъ косясь на двери, которыя открывали изъ передней входъ въ его мастерскую, онъ, повидимому, чего-то побаивался и, кажется, именно того, чтобы какъ-нибудь не открылась сама собой дверь, которую онъ при входѣ заперъ не только на ключъ, но и на крючекъ. Что она могла отпереться, это онъ очень хорошо сознавалъ, стоило только кому-то къ ней подойти и постучать — и онъ бы немедленно отворилъ. Онъ сознавалъ это и хмурился. Вѣрнѣе сказать, онъ сталъ сознавать это, когда пылъ его необычайной возбужденности нѣсколько остылъ.

Взглянувъ на простѣлочное зеркало, находившееся въ комнатѣ главнымъ образомъ для того, чтобы черезъ отраженіе въ немъ провѣрять свои работы, онъ, наконецъ, замѣтилъ болтавшійся на спинѣ оторванный клочъ пальто и, трагически поднявъ обѣ руки кверху, воскликнулъ:

— О, проклятая нужда! Долго ли лучшая часть

человѣчества будетъ находится въ твоей презрѣнной власти? Иванъ!—позвалъ онъ, отворяя дверь въ переднюю, и, вдругъ вспомнить, что Ивана ни въ какомъ случаѣ ему не дозваться, снова ее затворилъ.

— Гдѣ его докричатся отсюда! Когда не нужно, суется, болванъ, на каждомъ шагу, а теперь вотъ пойдѣ, ищи его по двору... И зачѣмъ я взялъ отдѣльную квартиру? Для меня было совершенно достаточно одной меблированной комнаты,—выбралъ бы гдѣ-нибудь повыше, окнами на сѣверъ — и довольно. Ни заботъ, ни хлопотъ, мебель готовая, дрова тоже, посуда, самоваръ; прислуга починила бы что нужно... Чортъ знаетъ, что мнѣ въ голову лѣзетъ! Какой смыслъ теперь задумываться объ этомъ? Однако-жь, пальто все-таки починить нужно!.. О, мерзость, мерзость!

Онъ сталъ искать на столѣ между книгами, бумагами, кистями и кусками картоновъ какую-то коробочку съ нитками и иглами.

— Была! помню, навѣрное знаю, что была, на прошлой недѣлѣ самъ лично купилъ, когда пуговица у брюка оборвалась... Но куда она положена — это вопросъ. А, наконецъ-то! Вотъ она!.. И я долженъ заниматься такими пустяками,—ворчливо шепталъ онъ, усаживаясь за починку пальто. — Я — художникъ, и вдругъ—чортъ знаетъ что такое! — съ иглой! Бѣжать надо! Бѣжать надо отъ города и его ничтожной суеты.. Поэтъ именно такъ и дѣлаетъ:

«Бѣжать онъ, длинъ и суровый,
И звуковъ, и смятенъ полъ,
На берега пустынныхъ волъ,
Въ широкомѣшныя дубровы!..»

Сидя сгорбившись съ иглой въ рукахъ и декламируя стихи, онъ повременамъ укоризненно покачивалъ головой, видимо обвиняя свою судьбу за то, что она такъ враждебно несправедлива къ нему.

— А все—братъ! Этакое грубое существо! Нашелъ за что ухватиться. Ну, вотъ, пока будетъ держаться — и ладно! Какъ ни штонай, все равно—скверно и безъ

помощи портного не обойдешься... Пора, въ самомъ дѣлѣ, завести другое и непременно сюртукъ. Какъ только получу деньги — первое дѣло — сюртукъ, по крайней мѣрѣ въ немъ можно куда угодно! Сюртукъ во всякомъ случаѣ вещь солидная, въ особенности, если сшить хорошо и изъ самаго лучшаго сукна.

II.

Надѣвъ пальто и оглянувъ себя въ зеркало, онъ еще разъ рѣшилъ, что починка произведена скверно, и плашмя свалился на диванъ, уставя глаза въ потолокъ. Старый клеенчатый диванъ жалобно заскрипѣлъ, когда онъ рухнулъ на него всей тяжестью своего огромнаго тѣла. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, съ румянцемъ во всю щеку и съ живыми черными глазами, вдумчивыми и глубокими. Чѣмъ болѣе онъ успокаивался, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что вель себя въ разговорахъ съ родными нехорошо, былъ нетерпѣливъ и рѣзокъ въ выраженіяхъ, въ особенности съ братомъ. Ему даже совѣстно стало за то, что онъ обозвалъ его байбакомъ, когда тотъ уговаривалъ его одуматься, и даже разорвалъ свое старенькое пальто, освобождаясь изъ его непрошенныхъ объятій.

— Одуматься, — размышлялъ онъ, — что значитъ на ихъ языкѣ одуматься? Значитъ — оставить любимое дѣло, на которое положено столько трудовыхъ лѣтъ, убить свою душу и жить такъ, какъ они живутъ. Да не могу я такъ жить. И зачѣмъ я къ нему хожу — самъ чортъ не разберетъ! Во сто разъ лучше, свободнѣе и пріятнѣе покурить гдѣ-нибудь въ трактирѣ, хотя бы въ «Лондонѣ», на примѣръ, на углу Первой линіи и Средняго, или въ «Золотомъ Якорѣ». Тамъ, по крайней мѣрѣ, съ товарищами встрѣтишься, по душѣ поговоришь, если даже иной разъ и выпьешь — что за важность. За то уже навѣрное не услышишь тѣхъ скучно-практическихъ разговоровъ, которые ведутся въ семьѣ брата.

Онъ поднялся съ дивана и, остановясь передъ окномъ, сталъ смотрѣть на облака, сквозь которыя, пробивъ ихъ густую сѣрую массу, брызнулъ яркой полосой солнечный свѣтъ и заигралъ на куполѣ колокольни, на желтой стѣнѣ церкви, на свѣгу улицы.

— Эффектно! Очень хорошо. Какой чудесный рефлексъ... А, ну-ка еще!

Схвативъ палитру съ красками и кистями и первый попавшійся подъ руку холстъ, натянутый на подрамникъ, онъ принялся за работу. Солнечный лучъ, на мгновеніе мелькнувшій надъ городомъ, давно уже заволокли темныя тучи — зимніе спутники сѣвернаго неба, но онъ все еще жилъ имъ, чувствовалъ его во всей свѣжести перваго впечатлѣнія и, мѣшамъ краски, поспѣшно накидывалъ ихъ на холстъ.

— Чудный рефлексъ! Вотъ можетъ выйти вещь. Однѣмъ моментъ — и какое впечатлѣніе! Удивительно! Вотъ, если такой свѣтикъ пустить въ жанровой картинѣ — прелесть! Хотя бы, напримѣръ, на лицо въ моей картинѣ — чего лучше. Тучи можно сгустить еще больше, можно въ синеву податься, въ самую, что ни на есть чернѣйшую, молнію даже можно немножко припустить, и вдругъ сквозь этакую-то густоту — свѣтикъ и прямо на лицо... Ошеломляющее впечатлѣніе получится!

Стоя около окна и набрасывая краски съ палитры на холстъ, онъ по временамъ взглядывалъ на церковь, видимо оживляя впечатлѣніе и улавливая эффектъ недавняго свѣта на ея колокольнѣ. Въ увлеченіи работой, онъ, казалось, уже забылъ о всѣхъ тѣхъ непріятностяхъ, которыя вынесъ въ этотъ день изъ свиданія съ братомъ. И дѣйствительно, онъ были забыты во время работы. Онъ даже не замѣтилъ, какъ перешелъ отъ окна къ мольберту и устоялся около него. Но лишь только работа болѣе или менѣе закончилась и лѣвая рука освободилась отъ палитры, какъ лицо его вновь приняло то же гнѣвное выраженіе, съ какимъ онъ въ этотъ день возвратился въ свою мастерскую.

III.

Въ воображеніи его рисовались картины изъ жизни брата. Припомнилась такая сцена:

Братъ возвратился домой изъ конторы и идетъ по комнатамъ съ необыкновенно величественнымъ выраженіемъ лица.

— Ваня! Ваня! что ты? Что съ тобой? Даже головой кивнуть не хочешь?—спрашиваетъ жена, намѣреваясь загородить ему дорогу и широко раскинуть для этого руки.

— Хе, хе!.. — лукаво подмигиваетъ онъ, дойдя, наконецъ, до своего письменнаго стола, — не мѣшай, жена!

Она въ недоумѣніи пожимаетъ плечами и глазъ не сводитъ съ его лица, на которомъ, въ самомъ дѣлѣ, и чортъ не пойметъ, что выражается.

— А вотъ, сожди немного, и все поймешь!

Онъ важно вынимаетъ изъ бокового кармана бумажникъ, кладетъ его на столъ и, величественно положивъ на него руку, говоритъ:

— Вотъ тутъ всѣ понятія находятся!..

— Да, это я знаю.

— Нѣтъ, не знаешь... ты не знаешь самого главнаго, то-есть именно того, что у тебя мужъ — молодецъ перваго сорта,—вотъ что! Слушай: сегодня получилъ и отъ хозяина награду за усердную службу, три тысячи рублей,—вотъ я каковъ.

Жена порывисто бросается къ нему на шею и такъ обхватываетъ ее, точно въ самомъ дѣлѣ хочетъ его задушить.

— Умница, Ванечка!.. То-то я смотрю, идешь ты не такъ, какъ обыкновенно, и понять не могу... Умница!..

Онъ доволенъ, что находитъ себѣ должную оцѣнку, улыбается во весь ротъ.

— Не глупа и ты, другъ мой, Сонюшка! Не глупа! —авторитетнымъ тономъ говоритъ онъ, — вижу, яв-

ственно замѣчаю, что разсуждаешь правильно. Слава Богу, и впредь таковыя разсужденія желаю отъ тебя слышать всегда, нынѣ и присно... Ха, ха!

Она всласть чмокаетъ его и въ щеку, и въ лобъ, и въ губы—и оба блаженствуютъ.

— Ахъ, да, погодн,—вдругъ вспоминаетъ мужъ и нажимаетъ пуговку электрическаго звонка, на звонъ котораго въ дверяхъ показывается лакей.

— Принеси, тамъ внизу, въ передней, въ бумагахъ свертокъ... Ну, я тебѣ скажу, Сонечка, и обѣдь же была какой,—говоритъ Иванъ Павловичъ, разпертывая поданный безмолвнымъ лакеемъ свертокъ,—уха изъ свѣжихъ стерлядей, да вѣдь изъ какихъ крупныхъ—вотъ какого размѣра,—ей-ей!.. Къ ней пирогъ по-сибирски изъ трехъ рыбъ съ визигой—очаровательная штука! Потомъ какая-то чертовщина изъ мясного съ трюфелями. Это мнѣ не понравилось. И чортъ знаетъ еще что было! И спаржа, и сабайены, и пломбиръ съ фруктами, а вино—хоть купайся въ немъ. Все было роскошно и великолѣпно. Вотъ суди по грушамъ—по три рубля за каждую плачено! Прелесть что это такое—вкусъ, аромать, нѣжность, ну—масло, а не груша!.. Я говорю, извините, Поликарпъ Поликарповичъ, у меня семья и такихъ грушъ мнѣ необходимо, по крайней мѣрѣ, пятокъ на выносъ. Хозяинъ такъ и прыснулъ:—Ха-ха-ха!.. Изволь, говоритъ, Иванъ Павловичъ, бери хоть всё, потому какъ теперь, говоритъ, годовой отчетъ закончили и барышка Господь послалъ достаточное количество,—можемъ мы тебѣ грушъ этихъ самыхъ отвалить сколько угодно. Свѣжей зернистой икры предложилъ взять на выносъ,—я тебѣ, говорятъ, ложкой въ карманъ накладу. Все равно, говорятъ, деньги заплачены и зря пропадаетъ, а товаръ цѣнный. Смѣется, конечно. Дѣйствительно, свѣжей икры осталось отъ закуски почти полная ваза.

— Неужели никто не ѣлъ? Господи! —этакую то прелесть не ѣсть!

— Какъ не ѣли,—двѣ большихъ вазы опорожнили.

Это ужъ съ третьей не могли совладать... Разумѣется, люди тоже не безъ разсудку и приберегали себя къ обѣду.

— Да, ладненько живемъ, — заключилъ Иванъ Павловичъ, окончивъ разсказъ объ обѣдѣ. — Слава Богу, очень даже не худо. Пусть другіе такъ поживутъ.

— Да, Ванечка, пусть поживутъ, — подсказала жена. — Дай Богъ, чтобы дѣточки наши такъ жили. Спаси ихъ, Царь небесный, отъ всякихъ художествъ, чтобы, то есть, ни музыкантами, ни пѣвцами, ни писателями, ни живописцами они не были.

— Господи! Отчего же я не могу съ такимъ изумительнымъ спокойствіемъ жить? — думалъ Александръ Павловичъ. — Съ какой стати зародились во мнѣ совсѣмъ ниняя стремленія, чѣмъ у брата? Казалось, росли мы при одинаковыхъ условіяхъ, и отецъ о нашемъ образованіи не только не заботился, но даже старался уберечь насъ отъ него.

IV.

Онъ закрылъ глаза и перенесся мысленно въ дни своего дѣтства.

Низенькія, маленькія комнаты, тишина кругомъ, дневныя заботы кончались и хозяйственныя распоряженія тоже. Мать стоитъ передъ отцомъ въ грустной задумчивости, приложила къ щекѣ правую руку, лѣвою ее поддерживаетъ подъ локоть. Отецъ сидитъ на сундукѣ, покрытомъ тюменскимъ ковромъ, и, медленно поглаживая свою пушистую, пепельнаго цвѣта, бороду, покачиваетъ головой. Мать спрашиваетъ, когда и куда онъ думаетъ опредѣлять дѣтей, а отецъ молчитъ.

— Скажи ты мнѣ!.. Что же молчишь, точно воды въ ротъ набралъ.

— Все, мать, будетъ въ свою пору, — отвѣчаетъ наконецъ онъ, — и пѣнію время и молитвѣ часъ — все придетъ. Подростутъ, Богъ дастъ, купцы будутъ обстоятельные. Слава Тебѣ, Господи, домикъ у насъ